

ЭЛЬЧИН ГУСЕЙНБЕЙЛИ

Перевод С.Мамедзаде

ДЕД, БАБКА И КОММУНИЗМ (рассказ)

Моего дедушку арестовали за то, что он косо смотрел на коммунизм. Кабы глядел прямо - жил бы в добром здравии в родном селе, в своем очаге, растил бы потомство, как все мужики, а не оставил бы детей на бабушкиной шее.

Деда моего не расстреляли благодаря бабушкиному племяннику, сослали в Сибирь - только и всего, точнее говоря, его не поставили к стенке потому как он доводился супругом моей бабке. Ей-ей, еще легко отделался. А то бы за такие дела - коса на советскую власть глядеть! - пустили бы в расход как пить дать.

Тот племян бабкин - я, говорят, в него пошел, мир его праху, - ушел на войну и не вернулся. Покарай аллах и бабушку Гитлера, чтоб и ее племян сгинул. Бабка моя гордилась, что деду вlepили 15 лет. Не будь бабки, ее племян не стал бы обивать пороги ради деда, - ведь кто бы стал искать какого-то чабана захудалого и, конечно, давно бы деду моему тлеть в сырой земле.

Дед из Сибири не вернулся, и по догадкам бабки, там же, наверное, обзавелся семьей, не вернулся в село из-за страха перед советской властью. Бабка считала, что в Сибири власти советской нет. Потому, мол, и сослали деду туда. Глушь-она и есть ссылка, как и наша сельская дыра. Но там всегда валит снег. Причем снег еще белее, чем у нас, потому что небо там ближе к земле. По словам бабки, Сибирь она во сне видела, и рассказал ей о ней приснившийся сосланный дед...

Я уже сказал, что дед влип из-за бабки, по сути. Потому как, когда приехали деда сфотографировать в газету, бабка оказалась рядом с ним в выгоне, и дед, человек ужасно ревнивый, осерчал, что бабка так и впиалась глазами в аппарат и рывкнул на нее. Фотограф растерялся в тот момент и шлепнул его. Бедняга испугался деда-здоровенного человека. Ел, говорят, за семерых. Когда бабка вспоминала об этом, губы ее трогала улыбка, и она смущенно прикрывала рот платком - яшмагом. Она гордилась тем, что дед из-за нее и загремел в ссылку, не могла нахвалиться на его богатырскую статью. Вообще, бабка всю жизнь блюла этот обычай - даже когда яшмаг был объявлен пережитком прошлого, она продолжала прятать поллица платком. Этот знак качества азербайджанской женщины пожизненно оставался на бабушкином лице...

Когда деда фотографировали, ему полагалось смотреть вперед, в светлое будущее, а он окрысился на бабуку, а получилось, что на коммунизм. Между тем дед одним из первых записался в колхоз вместе с парой гусей и одним мулом - больше у него ничего за душой и не было, - во всяком случае, так молва гласила. Потому и решила власть, видимо портрет сознательного деда опубликовать в газете. Бабка моя до той поры газет и в глаза не видела, но догадывалась, что это нечто красивое. Может, при фотосъемках деда случилась иная закавыка. Во всяком случае, все обернулось деду во вред. Бабке, как на грех приспичило поглазеть на это событие и воочию пронаблюдать, как такой огромный мужчина поместиться в этом самом аппарате... И смех, и грех...

Весть о прибытии фотокорреспондента застала всех врасплох. Он бедняга проделал весь долгий путь, трясясь на хромой кляче Мохаммеда, которая от роду не могла скакать, поэтому стоило кому-то делать работу медленно, как ему припечатывали "Клячу Мохаммеда".

В силу внезапности прибытия фотокодера дед с бабкой не успели осознать значимость события. Знай бабка, какой бедой оно обернется для деда, ни за что бы не позволила фотографировать его. Как впоследствии она не позволяла нам сниматься.

Итак, снимок деда дошел до высоких кабинетов и лецеэрение деда вызвало сильные сомнения в его политической благонадежности. Этого оказалось достаточно, чтобы деду пришили дело с клеймом "кулака". Бабка-то узрела злополучный снимок позднее, когда деда уже увели, и в село пожаловал следователь, как в народе говорили "силистчи", для дознания, показал ей фото и наставительно изрек: "Положено, бабуля, смотреть вперед, так сказать в светлое будущее, а твой спутник жизни, вместе этого, видишь рот скривил, рожу скорчил, это же форменное издевательство над коммунизмом!"

Бабушка в простоте душевной клюнула на удочку и подтвердила, да, мол, муженек ее смотрит тучей, глазами сверкает. Где было ей знать, что следователь ловит ее на слове.

Бабушкин племянник привез из Баку какую-то судебную бумажку. Бабка до конца дней хранила эту бумагу как реликвию, память о деде. Позднее исчезла эта цидуля. Могу предположить, что бабка забрала ее с собой на тот свет, чтобы свести счеты с дедом и этим следователем. Бумажка эта, видимо, была копией обвинительного заключения. По словам бабушки - сама-то она была не грамотная, ей зачитал племянник, который потом погиб на фронте - там говорилось, что жена Гашима Арых оглы Гонча Молла Мохаммед кызы подтвердила, что ее супруг "мрачно смотрел на коммунизм." "Чтоб отсох мой язык, если я такое говорила!.." - сокрушалась бабушка, с ее слов следователь записал, что когда сосед Бадиргулу нарек новорожденного сына именем "Коммунист", мой дед посмеялся: "Коли коммунистам позарез нужны моя хромая кляча и пара гусей, то дальше некуда." А следователь, сукин, сын возьми и политическую подкладку подведи, что написано пером, того не вырубишь топором... До этого охальника не дотянешься, не докричишься - город далеко. Вот и божилась, клялась обращаясь к судебной бумаге, валлах-биллах, у мужа и в мыслях не было, чтобы над коммунистами изгаляться, так просто, в шутку подначил... И добавляла, что "Бедиргулу за словом в карман не полезет, ответил на дедовскую подначку: "Мой Коммунист еще мал, а вырастет-удал..." Бабушка рассказывала, ей при беседе со следователем казалось, что ей удалось убедить последнего, что слова деда были сказаны в шутку. А теперь сокрушалась. "Где было мне знать... Думала, раз он уже знает мужа моей внучатой племянницы Мамедгасана, не станет цепляться за мои слова, подводить под статью... А он оборотнем оказался..."

Итак, бабка там подтвердила, что на фотоснимке фигурирует мой дед, уверяла, что дед смотрел аккурат прямо перед собой, а не куда-нибудь, а причину кислой мины на лице надо искать в другом, наверное, внутри аппарата лицо покривилось или же его смяли когда снимок брали в руки. Следователь занес в протокол и эти мудрые суждения бабушки, но, не веря в их искренности, пригрозил посадить ее за то, что выгораживает мужа, косо смотрящего на коммунизм, правда, потом смиловившись и пощадил, учитывая, что она женщина, и вдававок, добрые знакомство с Мамедгасаном, промышлявшим рытьем колодцев. Тот следователь впоследствии и сам бесследно исчез, видимо, Аллах покарал его за зло, причиненное моему дедку.

Мой отец извлек урок из этого события. Потому всю жизнь смотрел только вперед. Даже траву косил не наискось, по дуге, а по прямой линии, а если садился за руль трактора, то выбирал только прямолинейный путь. И сфотографировался только один раз. После того, как председатель колхоза покойный Мухтар накричал на него, - стал на фоне занавески, повешенной поверх стенки хлева и устремил оптимистический взор на буренок, пасшихся на лугу, и ночами не спал, пока снимок не извлекли на свет божий. Бедная бабка моя ублажила фотографа Афсара большущей, с ягненка, индейкой, чтоб он был осторожным и чтоб отец на фотографии получился как положено, с подобающим целеустремленным взглядом и выражением лица. Отец получился как есть: с орлиным носом и выпученными глазами, устремленными в светлую даль.

Из-за этого поступательно-прямолинейного движения по жизни отец мой однажды угодил вместе с трактором в арык, а в другой раз наехал на бычка Миралы. После такой незадачи он пошел из трактористов в волопасы как бы по стопам деда, чем возрадовал дух усопшего. А вот бабка моя до самой смерти не верила в то, что у ее муженька есть дух. Так как сильно сомневалась, что дед отправился на тот свет. И вообще, считала она, будь у деда дух, то он не стал бы бояться советской власти и вернулся бы в эти края, хотя бы приснился ей... Ведь дух-то не арестуешь... Правда, дед после отправки в ссылку снился ей, но всего-навсего пару разочков.

Итак, (это выражение как и "простите, что сижу к вам спиной" пристало к языку, никак не отделяется, видно, наследственное), деда моего упекли за то, что косо смотрел на коммунизм. Бабка рассказывала нам об этом по меньшей мере раз в году, а уж если выпадал снег - то непременно. Потому, что деда забрали на рассвете того дня, когда к вечеру выпал снег, и дед не смог прихватить с собой теплую одежду. Бедный, как выдержал этот мороз без теплой одежды, горевала бабушка. Порой бабушке приходило на ум, что деду следовало рвануть из той глуши, и никакой сукин сын его бы не догнал. Позже следователь, прибывший в село, сообщил, что дед пока содержится в городе. Бабка кинулась в райцентр и вместе с племянником, жившим там, приехала поездом в Баку, там попала на прием чиновника, как две капли похожего на нашего земляка Бахшалы, растолковала на простецком языке причину, почему дед косо (при слове "косо" она понижала голос) смотрел на коммунизм. Чиновник не усек, тогда на помощь пришел племянник - машаллах, язык у него был подвешен - объяснил, что к чему, и деда не расстреляли, ограничившись ссылкой. Бабка именно тогда впервые увидела злопучную газету со снимком деда.

Накануне дня, когда арестовали и увезли деда, бабке беременной моим будущим родителем, страх как хотелось татарника, и деду наутро надлежал отправиться низину за этим зельем, а если не найдется - и где было взяться татарнику в разгар зимы - то чего-нибудь похожего принести, да упокой Аллах душу его родных, хотя и крут был дед, а все равно милосерд, и бабка моя разрешилась моим будущим отцом, причитая "гангал, гангал!", то бишь татарник. И пусть Аллах отнимет душу у бабушек тех, кто увел моего дедушку, и чтоб они при смерти так вот и причитали...

После того, как деда упекли в край, откуда нет возврата, приходили сватать бабку мою разов десять, особенно зачастили в годы войны, когда и ячменных лепешек не сыскать было, но бабка моя, щадя чувства моего отца, всем дала от ворот поворот. А по деду не шибко убивалась, и была права, потому как даже по прошествии пятнадцатилетнего срока дед не вернулся.

Как я уже говорил, бабушка точно учуяла, что дедушка обзавелся семьей и обосновался в Сибири. И теперь наверняка есть у него детки, которые доводятся едва ли не ровесником моему папаше. И вот однажды, когда я вырос и, как у нас говорят, ... стал носить брюки (будьте любезны, многоточие домyslите сами), из далекой заснеженной тайги пришло к нам

письмецо. За подписью "Володя Гашимович"... Черт побери, бабушка как в воду глядела!..